

К 175-
летию

со дня рождения
Н. В. Гоголя

Сто семьдесят пять лет прошло со дня рождения великого Гоголя.

Что думаем мы, что чувствуем сегодня, произнося это мощное и веселое, поэтичнее и очистительное, как весенняя гроза, и принадлежащее всему миру короткое имя — Гоголь?!

Гоголь, пришедший в литературу, когда уже в зените славы был Пушкин, сумел вместе с этим титаном реалистического искусства обогатить русский реализм совершенно особым, небывалым содержанием и новыми формами. Его творения открыли собою «натуральную школу», утвердили понятие критического реализма как основного направления нашей литературы XIX века.

Гоголь горячо и самоотверженно утверждал союз русского искусства с современностью, будучи твердо уверен, что именно на этом пути оно обретает подлинную зрелость и драгоценную возможность прямого, страстного разговора со своей эпохой, которого так часто недоставало писателю в литературе того времени.

«Где же жизнь наша? Где мы со всеми современными страстями и странностями? — тревожно и требовательно вопрошал Гоголь и настаивал: —

Дайте нам русский характер, нас самих дайте нам!»

Величайший гуманизм писателя сказался в необычайном человеческом внимании к так называемому «маленькому человеку», в любви к нему, в боли и в гневе за него. Несомненно, что грустная тень пушкинского стационного зрителя благословляюще витает над бедным Акакием Акакиевичем. Но Гоголь и здесь творит свою собственную, новаторскую дорогу. Его «маленькие люди» далеко не всегда покорны судьбе, как бы ничтожно ни было их общественное положение. Акакий Акакиевич вырастает в гроз-

но убрал со сцены тех неправдоподобных добродетельных героев, которые вопреки истине с необыкновенной легкостью укрощали порок и водворяли добро. Комедия стала беспощадным зеркалом, гротеско отразившим подлинную суть самодержавных порядков, которые всерьез «ревивизовать» могла только революция.

Но Гоголь не был бы величайшим русским писателем, если бы, отказавшись изображать вымышленных героев добродетели, не мечтал о том, чтобы сказать своим читателям звучное и зовущее слово. И он сказал его в не дописан-

ной — СМЕХ. И как он гибок, как богат содержанием, какой у него живой характер! Стоит перечислить хотя бы часть эпитетов, какими одарил писатель этого своего любимца, — благородный, сверкающий, огненный, живой, идеальный, праздничный, идеальный, едкий, тяжелый, могучий, легкий, свежий, лукавый, очаровательный, колючий, наконец — очищающий, солнечный.

Какое богатейшее идейное и художественное наследство оставил нам этот бездомный, бесприютный и, в сущности, крайне бедный, как многие его герои, гениальный человек!

Не забудем среди этих

слов. Вот пример истинного товарищества двух единомышленников!

Созданное Гоголем стало как бы фундаментом не только для таких прямых его наследников, как Щедрин, но и для всего революционно-демократического направления последующей литературы. Творчество Гоголя во многом помогло складыванию взглядов, общественной и литературной программ Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова и послужило им грандиозным полем для сражений за новые формы искусства, и прежде всего за новые формы самой жизни.

«Голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу» — эти гоголевские слова о вдохновенной речи Тараса перед соратниками часто вспоминаются нами при чтении собственных книг писателя.

С какой страстной надеждой, с каким пророческим жаром вглядывался он в будущее Отечества, полный взволнованных предчувствий:

«...У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!»

И не слышался ли отголосок этих прорицаний во многие знаменательные часы нашей современной истории, хотя бы в тот уже далекий ныне апрельский день, когда Юрий Гагарин в своей ракете произнес свое историческое «Поехали!»?

«...И вон она понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух».

«Пророку нет славы в отчизне», — писал Гоголь в горький час. Он ошибся.

Вскоре после его смерти Чернышевский назвал целую полосу литературной жизни «гоголевским периодом». А потом Гоголь, как мощная ракета, преодолел притяжение века, в котором он жил, и сделался спутником новых поколений. Слава его стала всенародной. Слава его стала мировой.

Слава же его бессмертному гению!

Сергей МИХАЛКОВ

Слово о Гоголе

ное привидение, навещающее страх на «значительных лиц» его времени. Робкий мечтатель Поприщин в своем трагическом безумии внезапно поднимается до разящих монологов огромного гражданского накала:

«А вот эти все... что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды! хотят эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!»

А капитан Копейкин становится во главе разбойников, чтобы воздать по заслугам тупым и чванливым чиновникам, в приемных которых он «настоялся вдоволь» со своей скромнейшей просьбой о помощи. И разве эти бунтарские вспышки Башмачкиных и Поприщиных не похожи на первые отдаленные раскаты грядущих гроз?

Эти же раскаты слышны и в грозном смехе Гоголя-драматурга, создавшего новаторский комедийный театр. Написав бессмертный «Ревизор», он предпринял неслыханное дотоле на Руси дело — решитель-

ном им втором томе «Мертвых душ»:

«Нет теперь никого во всем свете... кто-бы крикнул душе пробуждающим криком... бодрящее слово «ВПЕРЕД».

Однако не в это ли «бодрящее слово» слагалось все его собственное многообразное творчество — и освежающий грозовой озон его сатиры, и, по словам Тургенева, «водопад здоровой веселости», брызжащий с множества страниц его произведения, и чистейшее золото поэзии — лирические отступления в «Мертвых душах», романтическая новелла о Днепре, ода украинской ночи или баллада о степи в «Тарасе Бульбе».

Венец сатирического гения писателя — «Мертвые души» парадоксально и в то же время глубоко справедливо названы автором поэмой. Только Гоголю было под силу сочетать воедино столь разные литературные роды, создать драгоценный художественный сплав горькой правды, злого гротеска и вдохновенной мечты, высочайшего идеала.

Создал Гоголь и своеобразнейшего положительного ге-

богатств и заповедь нерушимого боевого товарищества, гимн которому пропел он устами своего Тараса Бульбы:

«Нет уж святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Таким товариществом был связан Гоголь с многими деятелями отечественной культуры, и прежде всего — с Пушкиным.

Пушкин восторженно приветствовал первые повести молодого Гоголя, а затем подарил ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ», предчувствуя, что именно он сумеет облечь их в совершенную форму. Оплакивая гибель русского гения, великий сатирик писал: «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред со-